

сооруженія термитовъ, чѣмъ жилия человѣческія постройки. Рас-трепанные крыши съ зіяющими прорѣхами, сквозь которыя, словно ребра на трупѣ, проглядывали гнилыя стропила; повалившіеся плетни, разрушенные сараи, — все это свидѣтельствоvalo о крайней нищетѣ обитателей деревушки. Кое-гдѣ, впрочемъ, видны были старанія хоть немножко пригладить и причесать печальную бѣдность: поваленные плетни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были подперты колышками, дыры на крышахъ были тщательнo прикрыты зеленымъ камышомъ, пестрѣвшимъ среди общаго сѣро-грязнаго фона, какъ новыя заплаты на старомъ платьѣ; иногда даже рѣзко бросались въ глаза совершенно новыя, блестяще-бѣлыя верей, на которыхъ были навѣшены источенныя червями ворота; но все эти попытки прикрасить нищету, повидимому, были совершенно тщетны и только еще болѣе выставляли на видъ жалкія развалины и лохмотья. И что-то тоскливое, безотраднo-мрачное поднималось въ душѣ при взглядѣ на эти жалкія жилища, вокругъ которыхъ такъ роскошно расцвѣтала природа, росли великолѣпные лѣса, разстилались неоглядныя хлѣбныя поля, цвѣли фіалки и ландыши. Обидно становилось, что все ликуетъ и цвѣтетъ рядомъ съ этимъ непокрытымъ горемъ... Одинъ бѣлый домъ съ колоннами, гордо возносясь надъ окрестностью, словно смѣялся среди своихъ кудрявыхъ, многошумныхъ аллей...

Плетеная телѣжка, подпрыгивая, проѣхала чрезъ полуразрушенную плотину и повернула въ узкій, грязный проулокъ. На сѣдоковъ пахло дымомъ и навозомъ; желтолицая, худая баба, вѣроятно больная, грѣлась на завалинкѣ и безучастнымъ взоромъ глядѣла вокругъ; грязные бѣловолосые ребята ваялись въ пыли. Послѣ широкихъ порядковъ Подгорнаго, послѣ его чистенькихъ домиковъ съ палисадниками все здѣсь казалось такъ сѣро, угрюмо, безобразно...

Повидимому, и впечатлительный о. Парѣенъ поддался общему настроенію картины, потому что восторженность его вдругъ упала, и онъ, задумчиво оглядѣвшись кругомъ, произнесъ:

— Ахъ, какіе эти паничкіе мужики бѣдные! Жалость смотреть... Бѣднѣ ихъ, пожалуй, во всей округѣ нѣту. Каждый-то годъ у нихъ голодовка да эпидеміи... Сколько я ихъ великимъ постомъ перехоронилъ — страсть! Тифы да диссентеріи; докторъ и то ужъ говорить: „Паника у васъ — гнѣздо заразы“... Надѣлъ-то имъ больно плохъ достался...

Володя ничего не отвѣтилъ батюшкѣ, только нетерпѣливо передернулъ плечами и снова погрузился въ задумчивость.